
18+
неадекватная
Айская
Яичный переполох,
моя прелесть!

Айская

Яичный переполох, моя прелесть!

«Издательские решения»

Айская

Яичный переполох, моя прелесть! / Айская — «Издательские решения»,

Нищета не щадит, а совесть берёт выходной. Я решила, что пора брать судьбу за горло — или хотя бы за что-нибудь ценное. Пробралась в особняк на «Поле чудес» с твёрдым намерением разбогатеть по-быстрому. В планах было вынести всё, что не прибито, а в реальности… хватило двух яиц… Кто ж знал, что эти яйца теперь кажутся проклятыми.Книга содержит нецензурную брань.

© Айская
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 26
Глава 8 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Яичный переполох, моя прелесть!

Айская

Иллюстрации Нейросеть AI studio

© Айская, 2026

ISBN 978-5-0071-5188-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Привет, отважный читатель!

Ты открыл эту книгу — поздравляю, ты либо смельчак, либо уже перепробовал все остальные способы сбежать от реальности. В любом случае — ты на верном пути к тотальному расслаблению (и возможному сомнению в собственной адекватности, но это побочный эффект).

Внутри тебя ждёт:

1. Юмор такой концентрированный, что его, наверное, можно использовать как энергетик — только бодрит не кофеином, а абсурдом.

2. Героиня, у которой внутренний компас сломался ещё на первой странице и теперь уверенно показывает «куда-то в сторону хаоса».

3. Сюжет, который не столько развивается, сколько весело кувыркается с препятствиями. Идеально, чтобы дать мозгу заслуженный выходной: никаких сложных решений, только «что сейчас вообще происходит?!» и смех в голос.

4. Финал, который одних заставит сказать «Что это было?!», а других — «Именно так и должно было закончиться!»

Важные предупреждения:

Ни один пёс не пострадал — честное авторское!

Все яйца на месте (да-да, те самые, из этой самой истории и не только)

И да, тут нет, никаких пикантных трио в сексе — только приключения, смех и щепотка хаоса.

Так что устраивайся поудобнее, забудь про дедлайны, списки дел и экзистенциальные кризисы — здесь им не место. Пусть эта книга станет твоим легальным способом на пару часов притвориться, что всё просто, смешно и немножко нелепо.

П. С. Если хоть раз за чтение ты хихикнул, фыркнул или расхохотался так, что соседи заподозрили что-то интересное — обязательно поставь звёздочку и подпишись. Для тебя это пара кликов, а для автора — как порция горячего какао в холодный день: греет и даёт силы писать дальше.

Приятного чтения — пусть улыбка задержится подольше, ей у тебя хорошо!

Место дислокации Москва. Район «Поле чудес».
Ульяна.

Сижу я в своей б/у машине, купленной в кредит, на соседней улочке в районе «Поля чудес». Темень уже, хоть глаз выколи. Кручу головой по сторонам, осматривая нет ли за мной слежки.

Уж две недели, как я этот особнячок караулю. Домище — два этажа, вся роскошь. А охрана — всего двое балбесов, и те, похоже, спят. Ни камер, ни сигналок… Странный дом, хотя у богатых свои причуды. Ну разве такое пропустить можно? А главное — самих хозяев не видать. Лакомый кусочек, да и только. Сам просится в руки!

— Ладно, Уля, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. — натягиваю перчатки, поправляю на глазах маску, хватаю рюкзак и, ещё раз глянув по сторонам, выползаю из тачки и бреду к дому.

Достаю из рюкзака крюк, снова озираюсь. Народа вокруг — ни души. Что ж, а ну-ка… Ловко закидываю крюк на здоровенный кирпичный забор. Цепляюсь, лезу, пыхчу, точь-в-точь как кот на забор. Переваливаясь на ту сторону и думаю:

«Эх, альпинизм — он не только спорт, а ещё и фитнес отменный. За одно такое восхождение — все тёткины пирожки с капустой с прошлой недели сгорят, а то отъелась как колобок».

— Ну, полдела-то сделано! — громко выдыхаю я, переводя дух. — Осталось самую малость: найти в этом доме что-нибудь ценненькое и смыться на Карибы. — закрываю глаза и представляю, как валяюсь на белом песке в окружении пальм. — Куплю себе домик, буду коктейли на пляже потягивать, сериалы под пальмой смотреть. А ещё, может, мамбо выучу — и тогда точно жизнь удалась!

Только разлетаются мысленные картинки, как вдруг — шаги из дома. Быстрёхонько ныряю за большой куст и замираю. Из двери выходит один из «охранников», закуривает. И как назло — моя аллергия на табачный дым просыпается в самый неподходящий момент.

— Апчхи!

— Кто тут? — резко поворачивается мужик и удивлённо шарит глазами по сторонам.

Делать нечего — приходится импровизировать. Рука сама ныряет в рюкзак и хватает тот самый крюк. Так называемый «охранник» медленно идёт к кустам, за которыми притаилась я.

— Выходи, а то хуже будет! — злобно рявкает он. Я на четвереньках оббегаю куст, и в тот миг, когда он подходит ближе, резко вскакиваю и улыбаюсь со словами:

— Приветик, пукни в пакетик! — и со всего размаху бью его крюком по голове. Он с глухим стуком падает, отрубаясь. — Ну и народ пошёл… Хилый, как дохлая муха. Прости, мужик, ничего личного.

Запихиваю крюк обратно в рюкзак, театрально отряхивая ладони, поправляя сползающую маску.

— Всё чётко, по плану! Осталось только последнего «охранника» уделать, обчистить этот дворец до нитки — и испариться, будто меня тут и не было.

Перешагиваю через мужика, захожу в дом — и аж столбенею! Ну и роскошь кругом… Мебель — явно не из обычного магазина, а будто прямиком из музея притащили. А на стене — гляди-ка!

— Мона Лиза, — присвистываю округляя глаза. — Точно подлинник, других вариантов и быть не должно.

В углу ваза красуется — дорогущая, вся в китайских иероглифах. И будто шепчет мне: «Ну давай, бери меня, не стесняйся!»

— Ну надо же! Вот это я вляпалась в удачу! Ну и живут же люди… Не то что, некоторые. А я всё в тёткиной рюмочной пашу с утра до ночи, а зарплата — слёзы одни.

Мои глаза так и прилипли к картине. В рюкзак-то её точно не запихнуть, а тащить к машине — всё равно что вывесить транспарант: «Грабитель на районе, держите карманы!»

— Ладно, Мона Лиза, обойдёмся без тебя — в следующий раз загляну. Тут и без твоей загадочной улыбки добра навалом. Только вот с вазой надо что-то сообразить…

— Валерон, ты где бля застрял?! Давай живо сюда, домино ждёт! — орёт второй «охранник» на весь дом, так что аж стены дрожат.

Слышу — топает в мою сторону. Ну я рефлексом хватаю вазу да ныряю за диван. «Охранник» подходит прямо к дивану, зыркает на открытую дверь. Видит своего напарника — тот растянулся на земле, сам аж дар речи потерял.

— Это чё такое?! Э-э-э, Валерон, ты под дурака не коси!

Только он собирается разобраться, что к чему, как я уже выныриваю у него за спиной и с самой обаятельной улыбкой выдаю:

— Миленький, подскажи-ка, где тут у вас дамская комната?

Он оборачивается, рот приоткрывает — и тут эта китайская ваза словно сама собой срывается и летит прямиком ему в башку. «Охранник» — хлоп! — и уже лежит без чувств.

— Упс, — говорю, разглядывая в руках осколки вазы. — да я ж не нарочно, само как-то вышло! Эх, вазу жалко-то как… — напускаю на лицо скорбь. — Наверняка она стоит как полдома, не меньше.

Обхожу беднягу и, не теряя времени даром, решаю подняться наверх. Ставлю ногу на первую ступеньку — и тут вдруг прямо за спиной раздаётся оглушительный собачий лай! Медленно поворачиваю голову и вижу: в пяти шагах от меня, у одной из дверей, скалится здоровенный бойцовский пёс.

— Ой, какой хороший мальчик, у-тю-тю… — тяну я, будто пёс и правда может мне ответить. — Ты ведь не станешь делать кусь, такой милой девочке, как я?

А он глядит так, что сразу понятно — кусаться всё таки он хочет. Ну, я-то была начеку. Не спеша вытаскиваю из рюкзака дротик со снотворным — и как только пёсик прыгает на меня, тут же пускаю дротик в дело.

«Снадобье» с тихим свистом пролетает и впивается в бок пса. Пёс на секунду замирает — и плавно оседает на пол, даже не пискнув. Я с облегчением выдыхаю:

— Спи, мой хороший, усни, в доме давно уж погасли огни. Спи крепко, сладко спи, баю-бай… — тихонько напеваю, осторожно подкрадываясь к собаке. — Надо проверить, вправду ли она спит или… ну, всякое бывает.

Потрогала — дышит ровно, спит как младенец!

— Фу, ну и слава богу! Теперь можно спокойно обыскать дом и прихватить всё, что плохо лежит.

Замираю у двери, где дрыхнет бывший страж порядка.

— Ну и что же ты тут так грозно охранял, а? — наклоняюсь к псу, ухмыляясь. — Для меня подарочек припрятан или просто от нечего делать тут торчал?

Дёргаю ручку — и вот это да! Дверь поддаётся легко, будто я не воришка, а настоящая фея-крёстная с волшебной палочкой.

Вальяжно вхожу в кабинет, оглядываюсь с видом хозяйки. Глаза шарят по комнате: стол, стул, ноутбук, шкаф… Ну скука-то какая, брать нечего. И тут — бац! — мои глаза расширяются, как у Рокфора при виде сыра.

В углу скромно притулился журнальный столик, а на нём сверкают штуковины — ярче, чем у кота… ну, вы поняли, где самое блестящее место.

— Ой, мамочки! — пищу от восторга, чуть не подпрыгивая на месте. — Роди меня обратно, я явно в прошлой жизни что-то хорошее сделала!

Маленький пьедестал, стеклянный купол… И правда они! Два яйца Фаберже!!! Внутри всё так и запело, будто хор ангелов завёл победный гимн:

— Ну всё, теперь можно смело планировать тихую старость! — шепчу себе, уже мысленно примеряя уютный домик с видом на море и личным лакеем. — С таким стартовым капиталом я не просто раньше на пенсию выйду — я её торжественно отпраздную!

А сама уже в голове прикидываю: одно яйцо — точно на домик у моря, второе на красивую жизнь и билеты на все круизы мира.

Только вот… взгляд невольно косится на дверь: а вдруг сейчас ворвётся хозяин особняка и спросит: «А ты, собственно, как сюда попала?» И что тогда — предложить ему одно яйцо в качестве моральной компенсации? Или прикинуться статуей и надеяться, что не заметят? Эх, мечты о безмятежной старости такие сладкие… пока не вспоминаешь, что ты тут вообще-то не по приглашению.

Глава 2

Ульяна.

Место дислокации «Поле чудес».

— Вот это да! — вскрикиваю и отгоняю от себя все дурные мысли про хозяина дома, прыгая по кабинету, как девчонка в магазине сладостей. — Ну кто так хранит сокровища? Только полный чудак на букву «м»! Охрана — два боровичка, пёс мирно дремлет, камер вообще нигде не видать. У хозяина, похоже, с головой не всё ладно.

Подбегаю к находкам и разглядываю их так, будто это не просто яйца, а реликвии из древнего храма. Уже тянусь снять стеклянный купол — как руки сами замирают на половину пути.

— А вдруг тут ловушки какие-нибудь? — шепчу самой себе, оглядываясь по сторонам. — Вдруг щёлкнет что-то, лазер врубится — и я в два счёта превращусь в сыр с дырками?

Я ещё раз придирчиво оглядываю свои сокровища — ну хоть какой-нибудь подвох, хоть малюсенький намёк на ловушку!

— Да ну его, — решаю наконец. — без них я точно не уйду! Они же стоят… — делаю вид, что что-то считаю в голове. — окей с математикой у меня всё плохо, но эти яичные прибамбасы, ого-го сколько стоят. На всю оставшуюся жизнь хватит, чтобы жить в кайф и ни в чём себе не отказывать.

Размышлять долго не стала — снимаю стеклянный купол. И что в итоге? А ничего! Ни тебя тока, ни взрывов, ни летающих ножей. Тишина и покой.

— Моя прелесть… — шепчу, аккуратно поглаживая сначала одно яйцо, потом второе и чмокаю их. — Ну всё, прощай, бедная жизнь! Здравствуй, богатство! Теперь-то я заживу как королева!

Я аккуратно укладываю яйца в рюкзак — будто это не драгоценности, а хрустальные шарики. И тут, блин, незадача: замок на рюкзаке начинает заедать, сволочь такая. Пытаюсь его защёлкнуть — а моя самодельная маска Бэтмена из картона, чтоб её, развязывается и плюхается на пол.

«Ну супер, — мысленно ругаюсь я. — только этого не хватало, хотелось почувствовать себя шпионкой… А хренушки вам».

Наклоняюсь, чтобы подхватить эту пакость, и тут мой взгляд цепляется за угол напротив… Мотор… Камера.. Снято!!!

— Да Евпатий коловратий! — вырывается у меня. — Ульяна Вениаминовна, как можно было так лохануться?! А так всё красиво начиналось. Ну всё, труба дело… Теперь точно попаду в сводки криминальных новостей НТВ.

Паника накрывает с головой — руки ходуном ходят, в голове только одно: «Всё, кранты!» Но я встряхиваюсь, делаю глубокий вдох и натягиваю на лицо самую что ни на есть игривую улыбку, какую только могу.

Подбираю маску с пола и аккуратно кладу её под стеклянный купол. Потом плавно разворачиваюсь в сторону камеры, широко улыбаюсь и с самым невинным видом показываю средний палец. После этого неспешно направляюсь к выходу, стараясь держать спину прямо и не сорваться на бег. В душе теплится робкая надежда: а может, эта камера — просто муляж? Ну, для красоты, чтобы гости пугались? Было бы здорово, если так…

Чертаново.

Я тихонько пробираюсь по двухкомнатной квартире — тут я пока что живу у тётки Клавы и подрабатываю в её же рюмочной. Двигаюсь, как мышка: ни шороха, ни звука. Свет вруба-

ется на полную мощность, я аж зажмурилась от неожиданности и икнула. А сзади уже гремит тётушкин голос:

— Ну и где тебя носит, Улька? Три часа ночи, между прочим! — Тётя Клава стоит, руки в боки, взгляд такой, будто сейчас протокол составлять начнёт.

Я хлопаю глазами, пытаясь сообразить, с чего бы начать:

— А ты чего не спишь? — выдаю с наивной улыбкой. — Бессонница замучила? Или опять на кухню потянуло — перекусить на сон грядущий?

— Ульяна, не крути мне мозги! — Тётя прищуривается, взгляд её прилипает к моему рюкзаку, в который я вцепилась, как коршун на добычу. — Что у тебя в этом рюкзаке?

— Да так, мелочи всякие, — отмахиваюсь я, пытаясь задвинуть рюкзак подальше за спину. — Девчачьи штучки, в общем.

Но тётя уже тянется к нему с решимостью бульдозера:

— Улька, не дури! Давай сюда рюкзак, дурная твоя голова!

— Тёть Клав, ну ты чего это?! — возмущаюсь я. — Это же личное пространство! Нельзя просто так хватать чужие вещи — это нарушение всех мыслимых границ!

— Что в рюкзаке?! — Тётя поднимает брови так высоко, что мне кажется, они сейчас оторвутся и улетят в окно, как два пушистых дирижабля.

— Ладно, — закатив глаза, цокаю языком. — сейчас покажу, только клянись мамой — без воплей! — говорю я, косясь на тётушку. — А то, я тебя знаю!

Она молча кивает, но глаза горят так, будто сейчас из них повалит ток. Щёлкнув замком рюкзака, театрально вздыхаю:

— Вот оно, наше светлое будущее! Спасение от нищеты в чистом виде!

Достаю одно яйцо — и тут тётя дёргается, как наэлектризованная кошка в конвульсиях:

— Ульяна, еперный налево! — орёт она так, что, кажется, соседская собака за стеной начинает подвывать. — Где ты это взяла?! Опять за старое?! Ты же клялась, что завязала! Да ты совсем охренела, что ли?!

— Эй-эй, полегче, женщина! — вскидываю руки. — Ты обещала не орать, забыла? Слушай сюда. Найду покупателя, толкну эти яйца — и всё, мы заживём как короли! Будем купаться в деньгах, как сыр в масле. На всю оставшуюся жизнь хватит, представляешь?

— Да ты совсем кукухой поехала, а?! — тётушка хватается за голову. — У кого ты их украла, а? Ты хоть понимаешь, во что вляпалась?! Это же не бусы с китайского рынка тырить!

Аккуратно кладу яйцо обратно в рюкзак, застёгиваю замок.

— Ну, помнишь тот огромный особняк с Поле чудес, про который я рассказывала? — говорю как можно спокойнее. — Ну тот, где эти богачи живут, все в золоте и бриллиантах. Вот оттуда.

Тётя смотрит на меня так, будто я только что призналась, что прилетела с Марса.

— Улька, ты… ты… — она хватает воздух ртом, словно рыба на берегу. — Ты хоть в курсе, что это не шутки?! Да тебя же на куски порвут, если узнают! Ты чё, совсем шизанутая?!

— Тёть, ну ты как всегда — сразу в панику! — отмахиваюсь на её крики. — Всё под контролем. Я же не дурочка, всё продумала.

— Продумала она… — тётя закатывает глаза. — Ульяна, ты хоть понимаешь, какие люди там живут? Это тебе не соседский гараж вскрывать у Петровича!

— Да ладно тебе, — улыбаюсь я во все 32 зуба. — Зато представь, как мы заживём! Ты наконец-то сможешь бросить эту свою рюмочную, зубы вставишь, купишь себе норковую шубу…

— Норковую шубу?! — тётя аж подпрыгивает от злости. — Да меня раньше в этой шубе закопают без зубов! Реально…

Не успела она договорить, как в стену с той стороны кто-то начинает барабанить так, что штукатурка, кажется, вот-вот посыплется. А следом раздаётся разъярённый бас:

— Клавка! Бабы позорные, заткнитесь уже, ненормальные! Людям завтра на работу, а вы орёте как резаные! Сколько можно?!

Я хмыкаю, пытаюсь сдержать улыбку:

— Вот видишь? Продадим яйца, купишь себе нормальную хату — без таких соседей-алкоголиков. Или ещё лучше — дом с забором повыше, чтоб никто не докричался.

Тётушка вдруг побелела, как молоко, а потом принялась тереть виски, будто пыталась вытряхнуть из головы мои безумные замыслы.

— Мать моя женщина! — всплескивает она руками. — Ульяна, ты хоть понимаешь, кто там живёт? Я у этих людей деньги в долг брала, чтоб рюмочную открыть. Они же бандиты, каких поискать!

— И что с того? — фыркаю я. — Мне теперь перед ними на задних лапках ходить до конца дней? Ты бы видела, как они живут! Подумаешь, — встаю в деловую позу. — пара яиц пропала — не катастрофа. У них наверняка ещё десяток таких в загашнике!

— Так, а ну-ка отдай сейчас же! — Тётя резко хватает мой рюкзак и тянет к себе.

— Даже не надейся! Только через мой труп! — вцепляюсь в лямки, мы с ней развернули битву за сумку, словно два богатыря у камня распутья.

Минут десять мы тащим рюкзак в разные стороны, как двое упрямых ослов, которые никак не могут поделить морковку. Но тут я делаю резкий рывок — и тётя, словно кукла на ниточках, отпускает руки.

— Да ты что, шпана безмозглая, творишь-то?! — завизжала она мне вслед, когда я уже выскальзываю в подъезд. — На зону захотела? Я тебе туда передачки таскать не буду, имей в виду!

— Тёть, не кипятись, а то у тебя сейчас пар из ушей повалит! — кричу я, спускаясь по лестнице вниз. — Я просто схороню это добро на старом кладбище, пока покупатель не объявится! Всё под контролем, честное пионерское!

— Ульянка, ты меня в гроб вгонишь раньше срока! Верни яйца владельцам! — доносится мне вслед из балкона на всю улицу, когда я уже запрыгиваю в машину. — И скажи, что ты их на дороге нашла — может, повезёт они тебе ещё вознаграждение дадут!

— Ага, щас! Догонят, отблагодарят… да так, что я потом три года в травматологии лечиться буду! — фыркаю я, захлопывая дверь и врубая зажигание. — Такие люди жмотяры — им лишний рубль отдать, что по живому резать. Лучше я пока по плану: тайник, ожидание покупателя, красивая жизнь. Ну, или хотя бы нормальная шаурма раз в неделю!

Глава 3

Место дислокации «Поле чудес».

Митя.

Вернулся я домой после дня рождения своего друга — и прямо остолбенел. Картина маслом: стоят два моих «охранника», головы в бинтах, взгляды — как у побитых щенков. А рядом — китайская ваза, антикварная, вся мать её, вдребезги.

— Ну, пацаны, — говорю пока спокойно, — растолкуйте-ка мне, какого хрена тут творится?

Один из них мямлит:

— Димыч, братан, больше такого не будет, признаём косяк.

Второй добавляет:

— Да тут, понимаешь, девица в дом пролезла…

Мои глаза вылезают на лоб:

— Чего-о-о?! Вы мне сейчас всерьёз заявляете, что это всё — дело рук какой-то девчонки?!

Они стоят, глаза в пол, помалкивают, будто воды в рот набрали.

— Да и это ещё не всё, — тянет первый дрожащим голосом, будто сейчас в штаны наделает. — Она… в общем, ваши яйца из кабинета свистнула.

— И пса, — подхватывает второй, — усыпила его. До сих пор в отрубе.

Тут у меня вообще башню сносит. Ну надо же: какая-то девка двоих лбов уложила, а теперь ещё и яйца Фаберже утащила! Те самые, что мы на аукционе в Европе зацепили — собирались шейху в Дубае впарить за нормальные бабки.

— Да вы, гоните, что ли?! — рявкаю я и рвусь в кабинет.

Распахиваю дверь — и что там? Да нифига там нет! Только пустота под стеклянным куполом да чёрная маска валяется.

— Кто она такая?! Как, она вообще до такого додумалась?! — ору на весь кабинет, аж голос срывается.

Хватаю ноутбук, включаю — давай смотреть записи с камеры за вчерашний вечер.

И что я вижу? Какая-то девка с симпатичной мордашкой с рыжими патлами спокойно так яйца умыкает, а сама в камеру фигачит — показывает средний палец и ухмыляется во весь рот. Потом спокойно слиняла, как будто так и надо.

— Ах ты ж гадина! — хрясь — ноут захлопывается и летит в стену. — Найдите её пацаны! Хоть из-под земли выкопайте!

— Да мы тут накопали маленько, — бурчит первый «охранник», суёт мне телефон. — В общем, это племянница Клавдии Симоновой. Вспомнил, братан? Твой брат Стас ей год назад бабки в долг дал — чтоб эта Клава в Чертаново рюмочную замутила.

Смотрю на фотку: та самая девка с рыжими патлами. Рядом — тётушка её, на фоне той самой рюмочной.

— Ну что ж, — хмыкаю и топаю к двери, — поеду в гости загляну. Порасспрашиваю по-хорошему.

Моя тачка плавно притормаживает у рюмочной Клавдии, под названием «Стопочка».

Приглядываюсь в окно — ну точно, она! Наша рыжая воровка во всей красе.

Мини-юбка, обтягивающий топ, грудь ничего такая, аппетитная, поверх — фирменный фартук заведения. Всё при ней, ничё не забыла. И ведь умеет себя преподать — смотрится так, будто прямо из пикантной взрослой киношки выскочила, аж в брюках тесновато стало.

«Димыч, братан стопэ, соберись! Не время картинки разглядывать», — одёргиваю мысленно себя и даю мощный подзатыльник.

Вылетаю из машины, будто пробка из бутылки шампанского, и вваливаюсь в забегаловку.

Заведение — типичная районка, ничего лишнего. Воздух густой, пропитан характерными запахами: пережаренный лук из закусок, дешёвый табак, спирт и чуть — кислый привкус рассола из бочек. За столиками — пара завсегдатаев: один клюёт носом над стаканом, второй уткнулся в телефон, будто вокруг никого нет. У окна — старушка в платке, помешивает чай и косится на меня с явным подозрением, будто я тут зачем-то недоброе затеваю.

Воровка меня замечает — и сразу окаменевает, будто её заморозили на месте. А потом — рванула к запасной двери, словно заяц от волка.

Я за ней, не отставая ни на шаг. Хватаю за запястье, прижимаю к стене.

— Куда намылилась, а? Возвращать-то что-нибудь планируешь? — гляжу на неё в упор, будто насквозь прожигаю, руку сжимаю так, что аж пальцы хрустят.

— Эй, мужик, я тебя в первый раз вижу! Отпусти, больно! — тянет она слащавым голоском, глазки строит. — Понятия не имею, о чём ты. Ты явно с кем-то меня перепутал, честно-честно!

— Тогда чего рванула, как угорелая? — ухмыляюсь я и брови свожу.

Достаю из кармана чёрную маску Бэтмена, сую ей прямо под нос:

— Это, значит, не твоё? А ну-ка признавайся! И яйца наши верни, пока я добренький! — голос срывается на рык, чувствую, как кровь к лицу приливает. Так и подмываю чуть-чуть её прижать и задушить, да только вокруг — народ, свидетели лишние.

— Ваши яйца? — заливается смехом, глаза искрятся. — Слушай, ты точно в себе? Может, у тебя раздвоение личности, ты сплит? Ты тут один так-то, — театрально заглядывает за моё плечо, — или с тобой невидимый дружок? Привидение, что ли? Может, это оно всё натворило, а ты на меня бочку катишь?

— Верни яйца, пока по-хорошему прошу! — сжимаю кулаки, еле сдерживаюсь.

— Ой, да ладно тебе! — отмахивается рукой, ехидно ухмыляется. — Чего ты как маленький? У тебя денег — куры не клюют. Купи себе новые яйца, в чём проблема-то?

— Я пытался по-хорошему с тобой… — начинаю, но не успеваю закончить — вклинивается её тётушка.

— Дмитрий Григорьевич, не трогайте мою Ульяну! — всплескивает руками, смотрит умоляюще. Потом разворачивается к племяннице, брови сдвинула: — Улька, ну будь человеком, верни, что взяла! Не дури, а!

— А хочешь, я тебе бизнес-план набросаю? «Яйца Макеева: эксклюзивная коллекция». Запустим франшизу — озолотимся! — тараторит девка не умолкая. — Да нету их у меня! Я их уже продала! — дёргает рукой, пытается вырваться.

— Она их на старом кладбище закопала! — выдаёт тётушка.

— Тётя, ну ты и предательница! — орёт девчонка и топает ногой. — тоже мне, родственница называется!

Не выдержав, хватаю рыжеволосую за талию и закинув на плечо, как мешок с картошкой иду к выходу.

— Отпусти меня, имбецила кусок! — вопит она, колотит меня по спине. — Ты что, совсем без тормозов?! Помогите, хулиганы увозят!

Тащу её к машине, не обращая внимания на её пинки и вопли.

— Сама виновата! — кричит ей тётушка и крестится. — Пожалуйста, только не делайте ей больно!

Открываю багажник, запихиваю её внутрь. Она молотит по стенкам, как сумасшедшая.

— Выпусти меня! Куда ты меня везёшь?! — орёт, стуча по крыше, будто барабанная установка.

— На пикник, — хмыкаю я. — Поедем, свежим кладбищенским воздухом подышим. Может, заодно и «пасхальные яйца» поищем, а?

Спустя полчаса подрулили к старому кладбищу. Вытаскиваю эту фифу из багажника, швыряю ей лопату:

— Ну что, воришка, показывай, где яйца зарыла? Копай давай! — стою, руки скрестил, с места ни на шаг.

— Чего сразу я?! — фыркает, брови вздёрнула. — У меня маникюр, между прочим! Ты что, не видишь? — и сама позу принимает: руки на груди, взгляд дерзкий, будто ей всё нипочём

— Копай, а не то сама тут останешься — закопаю по самые уши! — рявкаю так, что она аж подпрыгивает.

— Ну… это было где-то тут… — бормочет, глазами по могилкам шарит, вправо кивает. — Или вон там… — голову влево поворачивает. — А может, вообще в той стороне? — уже

сама себя спрашивает, плечами жмёт. — Темно было, не помню я! Тут всё на одно лицо… в смысле, на один крест.

— Тьфу ты, пропасть! — с досады плюю на землю, хватаю лопату, начинаю в землю яростно втыкать. — Давай соображай быстрее, а то терпение кончается! Может, хоть какой-нибудь ориентир запомнила? Дерево с дуплом, памятник кривой?

А она вдруг — раз! — и в слёзы. Рыдает навзрыд, сопли-слюни, всё как положено:

— Ну пожалуйста, не убивай! Я правда не помню, где закопала… Хотела чем-нибудь место пометить, да забыла. Честно-честно, я не специально! Может, это вообще не я? А просто сон такой был… страшный…

— Сон у неё! — рычу, лопату в землю вгоняю. — Ты мне тут сказки не трави. Вспоминай давай, пока я в себе. А то сейчас сам тебя в яму опущу — будешь знать, как чужие яйца по кладбищам разбрасывать.

Её рёв только усиливается — аж в ушах звенит.

«Тьфу, — мысленно сплёвываю я, — бабьи слёзы — самое мерзкое, что можно увидеть. Как наждаком по нервам».

— Да не собираюсь я тебя мочить, — цежу сквозь зубы, подхватываю лопату и закидываю в багажник. — Залазь в тачку. Будешь у нас гостить, пока мозги на место не встанут. И смотри у меня — без выкрутасов! Одно лишнее движение — пожалеешь.

Она мигом утирает сопли, будто и не ревела только что, и первой ныряет в машину. Едем молча. Кошусь краем глаза — её лапка тянется к дверной ручке. А через секунду дверь уже нараспашку — собралась сигануть на ходу, дурёха!

— Ты чё, совсем поехавшая?! — рычу, хватаю её за шкирку, дёргаю на себя, дверь захлопывается. — Я сказал: без приколов! — и сам не пойму как, пальцы почти эротично сами сжимаются на её шее. — Ещё один такой финт ушами — и…

Не успеваю договорить — в лицо как плеснули кипятком. Перцовый баллончик, чтоб его!

Глаза режет так, что хоть вой, в горле пожар, ни хрена не вижу. Машину заносит, я кручу руль как безумный, пытаюсь удержать её на дороге. Резко приструниваюсь к обочине и торможу. Наощупь шарю по салону — где вода?! Наконец нащупываю бутылку, начинаю промывать лицо.

— Ещё раз лапой за горло схватишь без спросу — и про свои яйца можешь забыть навсегда! Усёк?! — шипит она, голос ледяной, без тени смеха.

— Ты чё творишь, а?! — взрываюсь я, пытаюсь смыть эту дрянь с глаз, выливая всю воду на себя. — Неадекватная!

— Сюрпри-и-из! — растягивает она губы в ехидной ухмылке, рожу ещё в добавок кривит. — Неадекватная — это моя фамилия, понял, красавчик? Это мой фирменный стиль, так сказать. Прошу понять и простить.

Глава 4

Место дислокации «Поле чудес».
Стасян.

После жёсткой ночки в одном ночном клубе заваливаюсь в дом к брату на «Поле чудес». Переступаю порог — и картина: двое его ребят замотанные в бинты, будто мумии. А братец сидит в гостиной, уставился в одну точку и хлебает коньяк прямо из горла.

— Чё, решил набраться в одиночку? — бросаю ему, плюхаюсь в кресло и окидываю взглядом помещение. — А где ваза? И чего твои бойцы так обмотаны — ты их что, по косточкам разбирал? И что с твоим лицом? — кошусь на его красные, будто варёные, глаза.

— Это были слёзы, понимаешь? Отчаяния и боли, — мрачно выдаёт Димыч, допивая коньяк чуть ли не до дна. — Нас кинули, прикинь. Какая-то чокнутая с рыжими волосами свистнула наши яйца Фаберже!

Я таращусь на него минуту, потом хватаю бутылку, вливаю в себя добрую порцию и ржу как сумасшедший:

— Стой, дай въехать… Нас обнесла тёлка? Тёлка, блять? Реально тёлка, с сиськами и всем комплектом? — не могу сдержать припадочного смеха и ору в голосину. — Ха-ха-ха! Да это же просто полный ахтунг, братан. Ну и замес!

— Завязывай ржать, Стас, — хрипит Димыч, тыча пальцем в свои глаза, красные, будто варёные. — Эта шалава мне в лицо перцовку брызнула. Зрение, кажись, садится… Если я ослепну, я блять не знаю, что с ней сделаю!

Я снова закатываюсь в истерическом смехе:

— В рот мне в ноги, да она мне всё больше нравится! — я делаю глоток коньяка. — Слушай, а где она сейчас, я надеюсь ты без меня с ней ничего не делал? И где наши яйца, бля?

— В гостевой комнате сидит, — цедит брат, наливая коньяк с таким видом, будто готов разбить бутылку. — А яйца… эта психованная закопала их на старом кладбище — и теперь ни в зуб ногой, где именно! Ну что за кидалово, а? Через шесть дней встреча с шейхом в Дубае, а мы без товара!

— Димыч, я тебе сто раз вкручивал: ставь сигнализацию, вешай камеры по всему дому! А ты на двух так сказать «охранников» да на пса понадеялся, — опрокидываю стакан, отталкиваюсь от кресла и ржу. — Ладно, веди, глянуть хочу на эту рыжую героиню. Представить не могу, что нас обнесла какая-то девка! Расскажешь — засмеют, как лохов.

Продолжаю угорать, поднимаясь по лестнице:

— Ну и замес, блин… Рыжая бестия с яйцами Фаберже! Ха-ха, да это же готовый сюжет для криминальной комедии!

— Смешно тебе? А у меня кишки от злости сводит. Эта шизанутая не просто яйца утащила — она всю нашу схему развалила. Ты в курсе, какие бабки на кону, а?

Я вытираю слёзы от ржача, пытаюсь собраться с мыслями:

— Ладно, братан, завязываю, — а сам усмехаюсь в кулак. — Но согласись — ситуация дичь полная, разве нет?

— Надо её расколоть. — трындит Димыч и аж пар из ушей пускает. — Вытащить из неё где зарыты яйца, наверняка всё она прекрасно помнит, под дурочку косит. И сделать это надо быстро. У нас шесть дней, чтобы всё исправить.

— Расколоть? — я поднимаю бровь. — Ты чё, собираешься её… ну, ты понял?

— А чё ещё остаётся? — брательник останавливается, смотрит на меня волком. — Либо она выкладывает, где яйца, либо… сам понимаешь, чем дело кончится.

Мы чешем к гостевой комнате. Я всё ещё в ауте: нас обставила какая-то девка. Ну и времена настали, блин…

Димыч резко останавливается у двери гостевой, кладёт ладонь на ручку и оборачивается ко мне:

— Смотри, Стасян, эта тварь — не просто дурочка из клуба. Она языкастая, глазом не моргнёшь. — он намекает на свои красные глаза, после перцовки. — Так что будь на стрёме. И не вздумай её цеплять — нарвёшься на жёсткий отпор.

— Да я спокоен, как удав, — ржу в ответ. — в отличие от тебя, братан, ты аж дымишься.

— В общем, не зевай! — рычит Димыч и с размаху распахивает дверь.

Заходим в спальню — и я прям столбенею на месте. Девчонка сидит на пуфике и в зеркало зыркает. На ней рубашка — то ли моя, то ли Димыча, — пуговицы наполовину расстёгнуты, так что аж дух захватывает. Ноги — от ушей, фигура — огонь!

— Ну, Димыч, ты даёшь! Хороший улов, — свищу, не сдерживаясь. Внутри всё напряглось, будто перед разборкой. — Чур, эта конфетка моя! — бормочу себе под нос, надеясь, что она не услышит.

А взгляд сам собой цепляется за эту небрежную небрежность — рубашка-то так лежит, что ни черта не оставляет воображению. И ладно бы просто расстёгнуто — тут каждая складочка будто нарочно так легла, чтоб с ума свести.

«Эх, Димыч, — мысленно качаю головой, — да ты, похоже, вообще не врубаешься, какой козырь в руки попал».

Стараюсь глянуть ей прямо в глаза, да только взгляд опять сползает вниз. И тут уже не про разборку, не про дела — тут другой закон работает: когда перед тобой такая картина, башка отключается, одни инстинкты рулят.

«Ладно, — шепчу себе под нос. — держи себя в руках, братан. Сначала нам надо разобраться, куда она яйца заныкала, а уж потом… потом видно будет».

Но сам понимаю — слова эти звучат неубедительно, будто я сам себе лапшу на уши вешаю.

Глава 5

Ульяна.

Вот я и в гостях у этого самого Дмитрия. И, честно говоря, надолго задерживаться точно тут не собираюсь.

Быстренько принимаю душ — буквально за пару минут. Выхожу из ванной… ну, скажем так, в натуральном виде.

Подхожу к шкафчику, открываю — а вдруг там притаился спасительный халат или хотя бы какая-нибудь сменная одежда? Заглядываю… и вот облом: пусто, совершенно пусто.

— Ну ты даёшь, джентльмен! — ворчу, хлопая дверцей шкафчика. — В гости позвал, а про одежду даже не подумал.

Оглядываю комнату — хоть какая-нибудь вещица бы нашлась! Спать в своей одежде ну совершенно не тянет. Тут вспоминаю: когда Дмитрий провожал меня сюда, я краем глаза засекла соседнюю комнату — она как раз через балкон.

Решаю: будь что будет, полезу! Подхожу к балконным перилам, сердце чуть чаще стучит.

— Ну и затея, Ульяна Вениаминовна! А шо поделать? Не голышом же мне щеголять, хотя… Свежо, но я ж не у себя дома.

Сначала осторожно ставлю ногу на нижнюю перекладину, потом вторую. Ухватываюсь за верхний край перил, подтягиваюсь. Перекидываю ногу на ту сторону, на секунду замираю — высота даёт о себе знать, коленки чуть подрагивают! — а потом плавно опускаюсь на балкон соседней комнаты.

— Фух, получилось! Чувствую себя прямо как в боевике: вот она я, без страховки, перебралась через балкон, будто настоящая шпионка. Только вместо спецкостюма… ну, в общем, не до костюмов сейчас.

Быстро проскальзываю внутрь, подхожу к шкафу и распахиваю дверцы. И — вуаля! — глазам не верю: ряды идеально выглаженных костюмов, белоснежные рубашки, аккуратно выстроенные в линию туфли. Всё такое… безупречное.

— Ну ничего себе, — не сдерживаюсь, тихо присвистываю. — Этот бандерлог Дмитрий, оказывается, одевается как с обложки журнала! Кто бы мог подумать… Снаружи — один жаргон да развязные шуточки, а тут — прямо мистер «стиль и элегантность»! Вот это контраст! Ладно, не будем терять время.

Среди всего этого великолепия наконец нахожу белоснежную мужскую рубашку. То, что надо!

Только тяну ручку двери, чтобы слинять обратно к себе, — и вдруг торможу. Глаза сами по комнате шарят, будто на автопилоте.

— А чё, собственно, теряться, раз уж я тута? — хмыкаю. — Мамка всегда учила: «Ульянка, хватай, всё что плохо лежит — значит, хозяину без надобности».

Начинаю кружить по спальне, как лиса по курятнику. На полочке — статуэтка, глаз радует, блестит, будто золотая.

— Ну как такую не умыкнуть? — шепчу, бережно заворачивая в лоскуток пиджака. — Пригодится, куда ж без неё.

Дальше — стол. А на нём ручка, да не абы какая, а с гравировкой, вся в завитушках.

— И эта красотка поедет со мной, — подмигиваю, пряча в карман пиджака. — вдруг завещание придётся писать, а нечем.

В углу притулилась копилка — ну чисто сова-сторожиха.

— Эй, пернатая, не обидишься, если я твои запасы позаимствую? — хихикаю, встряхивая. Монетки тихонько позвякивают. — Ладно, забираю всё — и тебя, и содержимое!

Продолжаю рейд, открываю шкафчик — и тут сердце ёкает: футляр, да не простой.

— Ой-ой, — фыркаю, провожу руками по крышке. — Неужто балалайка? Ну надо же! Интересно, как этот бандит Дмитрий на ней наяривает? Небось, под настроение «Калинку» выводит, а то и «Чёрного ворона»?

Достаю инструмент — не, не балалайка. Скрипка! Настоящая, с изогнутым корпусом, лакированная.

— Ух ты ж ёклмн … — ахаю, разглядывая инструмент. — Может, это и есть та самая Страдивари? Ну, мало ли… В любом случае, вещь царская.

Не удержалась — аккуратно беру скрипку, прижимаю к себе. А потом взгляд опять падает на стол.

— «Из этой кружки пью только я и мои будущие жертвы», — читаю надпись и не могу сдержать ухмылки. — Миленько-то как! — кручу её в руках. — Прихвачу-ка с собой на память. Вдруг и мне когда пригодится — для моих будущих жертв!

Заворачиваю кружку в пиджак из шкафа, аккуратно укладываю к остальным «трофеям». Уже на выходе цепляю взглядом фото на столе. Подхожу, разглядываю: Дмитрий у озера, рядом кучерявый парень, оба с удочками, ржут во всё горло.

— Это ещё кто такой? — хмурюсь, вертя снимок в руках. — И почему я про него ни слуху ни духу?

Кладу фото на место, но мысль о кудрявом незнакомце никак не отпускает. Чую, тут целая история кроется…

Ну, дело почти в шляпе — пора делать ноги тем же путём, через балкон. Уже благополучно сидя в своей гостевой комнате, подхожу к зеркалу, начинаю косички заплетать и попутно прикидываю, как бы слинять отсюда по-тихому.

— Ульянка, шевелить мозгами пора, — шепчу себе под нос. — Как бы аккуратно смыться? С этим мужиком надо с умом, без резких движений и раздражений.

И тут в памяти всплывает та самая сценка: Дмитрий Григорьевич в рюмочной прижал меня к стене, а от его парфюма с ментоловыми нотками голова чуть закружилась… Воспоминание — и под рубашкой мурашки пробежали.

— А вообще, он не такой уж и кошмар, — невольно улыбаюсь, прикусив нижнюю губу. — Может, сыграть на этом? Соблазнить — и в нужный момент тикать отсюда. План, вроде, ничего так, рабочий.

Дверь с грохотом распахивается. В зеркале вижу: на меня уставились двое.

Первый — сам Дмитрий. Зубы скрипят, глаза горят — явно готов отправить меня в полёт через балкон. Лицо красное, как переспелый томат, особенно когда замечает мои «трофеи» на кровати и свою рубаху на мне.

Рядом с ним — тот самый здоровяк с фотки. Надо сказать, тоже видный парень: мускулы под одеждой так и перекатываются, волосы отросли, слегка вьются. А на лице — такая дурацкая ухмылка, будто он только что клоуна увидел или анекдот про себя услышал.

— Нет, ты погляди на нее! — брызжет слюной Дмитрий, с пеной у рта. — Крысятничаешь, зараза рыжая! — его глаза швыряются на кровать, где я не успела спрятать стыренное. — Ты где мою рубаху взяла?

Я неспешно заплетаю косичку, поглядываю в зеркало на них. Оба — ну прямо спелые персики!

— Да какие вопросы, Митяй, сам в гости позвал, а об одежке не подумал. Я что, голой должна красоваться? Пришлось импровизировать — через балкон перелезть, причепуриться. — поворачиваюсь к ним лицом. — Да успокойся ты, дерябкуешься как малолетний пацан на районе.

У Дмитрия, кажется, челюсть сводит судорогой, а второй стоит, усмехается, как змея подколодная. Смотрю на него прищурившись.

— А ты кто такой вообще? — спрашиваю, голову слегка набок склоняя. Делаю паузу, вспоминаю, как Дмитрий говорил в рюмочной про «наши» яйца. И сама же отвечаю, сладко улыбаясь: — А-а-а-а-а, стоп. Знаю. Хозяин второго яичка. Ну, приветики-пистолетики.

— Я тебя сейчас на месте пришибу и отвезу на то самое кладбище! — Дмитрий делает рваный шаг ко мне, сжимая кулаки.

— Димыч, не бузи, видишь же — она стебется, — хрипло смеется парень с фотки. — Трындец, баба. Влезть в дом и яйца стырить — это надо додуматься. Не баба, а мужик в юбке.

— Бабы на базаре семечками торгуют, — вырывается ему в ответ, а он продолжает ржать. — а умные девушки, думают, как свою жизнь наладить.

— Харэ ржать, Стас! — выплевывает Дмитрий, не отрывая от меня горящего взгляда и задерживается на моём декольте. — Ты… ты вспомнила, где на том кладбище яйца зарыла?

— Ой, вспомнила! — делаю круглые глаза. — Там, где берёза кривая и ворона каркает. Между памятником «Вечной Славы» и могилой кота Барсика. Я там табличку медную оставила: «Здесь лежат Митяйкины яйца».

Дмитрий, кажется, вот-вот лопнет. Дышит тяжело, словно бык перед броском. А этот Стас давится смехом, придерживаясь за косяк и ржёт на весь дом. У него даже кажись слёзы блестят в уголках глаз.

— Димыч! — выдыхает он, пытаясь успокоиться. — Нет, ты только послушай её! Табличку медную! — Он вытирает ладонью лицо и качает головой, глядя на меня с неподдельным, почти звериным интересом. — Девка — огонь. Просто огонь.

Дмитрий бросает на него яростный взгляд, а сам кипит от злости, как чайник.

— Ты совсем охренел, ей богу? Она ж…

— Я ж вижу, кто она! — Стас резко обрывает его, и смех с его лица слетает, остаётся только хищная усмешка. — Успокойся, понял? Кипятишься как пацан на пустом месте. Идика, пройдись, воздухом подыши. Остынь.

— Куда я пойду?! Это мой дом! — Дмитрий упирается, грудь ходит ходуном.

— В кухню. На улицу. В сортир. Куда хочешь. Не суть, — Стас делает неторопливый шаг вперёд, его голос становится тише, но в нём появляется стальная нить, не терпящая возражений. — Я с гостьей поговорю. Наедине. По-мужски. Разберёмся во всём этом… яичном вопросе.

Он не сводит с меня прищуренных глаз, и в них читается и насмешка, и холодное любопытство.

— Я её сейчас так…

— Стасян, — зовёт его Дмитрий по-свойски, но так, что у того замирает слово на губах.

— Я сказал — я разберусь. Сам. Чего ты боишься-то? Она ж у тебя уже всё вспомнила, — он язвительно кивает в мою сторону. — Иди. Чайку поставь. А я тут… выясню, где наша общая собственность заныкана. Доверься.

Дмитрий замирает на секунду, смотрит на невозмутимое лицо Стаса. С силой выдыхает, разжимая кулаки.

— Ладно. Разбирайся. — бросает он брату, потом подходит к кровати забирает мои натыренные вещи из его комнаты и говорит пыхтя от злобы:

— Эту кружку, мне подарила бывшая жена, она мне дорога как память, чтобы о ней никогда не вспоминать, — размахивает посудой перед моим носом. — клептоманка рыжанутая!

— Ой, — цокаю демонстративно языком. — да, мне твоя кружка не одно место не упёрлась, тем более от бывшей жены! — фыркаю ему в лицо, когда его глаза пристально смотрят на мои губы. Он через секунду разворачивается и, шаркая ногами, выходит из комнаты, хлопнув дверью.

— Ну что, «мужик в юбке», — говорит Стасян медленно, с наслаждением. — мы остались наедине, теперь поговорим по душам. Только давай без этих твоих приколов. Где яйца, чудачка?

Глава 6

Стасян.

Рыжая бестия соскакивает с пуфика — грация, будто у пантеры перед прыжком, — и неспешно плывёт ко мне, покачивая бёдрами. Мурлычет, как кошка, что сметану стащила:

— Слышь, Стасик, ты вроде не такой, как твой братец, — она кладёт ладони мне на плечи, обходит кругом, оценивающе так, будто товар приценивает. — Так что тебе по-свойски шепну, где ваши яички припрятаны.

Стасик… терпеть не могу, когда имя так перекручивают. Но из её уст оно звучит так, что по хребту жар бежит, а внутри всё в узел стягивается — и это точно не от нервов.

Я хватаю её за запястье — резко, но тут же пальцы смягчаю, провожу по тонкой коже, будто проверяю, настоящая ли.

— Ладно, красотка, — шепчу и провожу большим пальцем по её скуле, чуть задерживаясь у уголка губ. Затем тяну её к себе так, что она грудью в меня врезается, и усмехаюсь:

— Не тяни резину, рыжик. Где они? Шепни на ухо — я за такие секреты тебе даже «спасибо» скажу. По-особенному.

Она ухмыляется — хитро, с огоньком, и кончиками пальцев тоже касается моих губ. Голос — мёд с перцем, сладкий, но с остринкой:

— Я даже покажу… но сначала расценку обсудим. Или, скажем, бартер.

Не успеваю и слова вставить, как она вскидывает бровь, подаётся вперёд — и впивается в губы так, будто хочет вытрясти из меня все секреты разом. А я… я только крепче прижимаю её к себе, чувствуя, как под тонкой тканью рубашки бьётся её сердце — быстро, в такт моему, будто мы уже в одной игре, просто ещё не выучили все правила.

Она целует всё яростнее, будто хочет не губы, а душу из меня высосать. Ещё пара секунд — и у меня тормоза окончательно сорвёт, а тело само решит, что пора переходить к делу. Её шаловливые ручонки щёлкают пуговицы на рубахе, как будто это не одежда, а кодовый замок, который надо вскрыть за десять секунд.

Через секунду её прохладные пальцы ныряют под ткань, скользят по коже — и у меня воздух в лёгких кончается. На секунду отстраняюсь, чтобы глотнуть кислорода и прочистить голову…

Лучше бы я этого не делал!

— Хочешь знать, где ваши с братцем яйца? — шепчет она прямо в губы, и от этого шёпота по спине не мурашки — а будто раскалённые иголки бегут.

— Где?! — хриплю, и сам себя ненавижу: голос сорвался, как у пацана, который первый раз в разборке участвует.

И тут — бац! Полный провал!

Рыжая резко вскидывает колено — и хрясь! — прямо туда, где у любого мужика самое уязвимое место. Удар такой, что перед глазами искры сыплются, колени подгибаются, будто из них кости вынули, а в ушах звенит так, будто рядом гранату рванули.

— Ваши с братцем яйца, вот они, тут! — хохочет она, глядя, как я сгибаюсь пополам, и в глазах у неё пляшут бесовские огоньки. — Не на кладбище, не в тайнике, не в банковской ячейке, а прямо у тебя под носом! Ну что, крутой, теперь понял, с кем связался?!

Я стискиваю зубы так, что, кажется, эмаль треснет, чтобы не выдать такой поток ругани, от которого даже бывалые братки покраснели бы. Сквозь боль выдавливаю:

— Ты… да ты… — кашляю, пытаюсь выпрямиться, но тело не слушается, предательски дрожит. — Я тебя сейчас урою, собака ты рыжая!

Лицо у меня перекашивается — будто сейчас стену лбом прошибу, кирпичи в пыль пущу. Рыжая мигом затыкается, чует, что не на того нарвалась: глазки забегали, как у шавки, которая хозяйский ботинок сгрызла и теперь ждёт, когда прилетит по загривку.

— Эй, братан, не кипишись, не надо тут бурю поднимать! — тараторит она, пятясь, пока я к ней пру, перекошенный от злости, будто мне не красную тряпку показали, а прямо в душу плюнули. — Дыши ровнее. Вдох-выдох вдох-выдох, как на йоге для нервных учат.

— Зря ты эту комедию ломанула, — рычу так, что зубы скрипят, будто по асфальту ботинком волоку. — совсем крышу снесло? У тебя в башке вообще предохранители есть, или там сквозняк гуляет?

— Стасик, не рви жилы, нервные клетки не восстанавливаются! — швыряет в меня подушку, та хлюпает мне по лицу, а рыжая срывается с места, будто за ней свора псов с цепями гонится. — На помощь! Митя-я-я выручай, твой брат меня убить хочет! А у меня на выходные маникюр записан, его нельзя пропускать, это святое.

Рыжая вылетает в коридор, я за ней — уже почти хватаю за рукав, а она резко разворачивается и толкает меня так, что я чуть не валюсь на бок, будто подсечку на ковре сделали. От неожиданности шатаюсь, а эта бестия, не теряя ни секунды, плюхается аппетитной пятой точкой на перила и съезжает вниз с воплями:

— Макеев, твой брат хотел меня в кровать затащить и там по-своему разобраться, изнасиловать!

Тут у меня окончательно крышу сносит, в глазах темнеет от ярости, будто кто-то свет вырубил. Внизу её ловит Димыч, а она тут же устраивает целый спектакль — глаза огромные, слёзы ручьём, руки трясутся, будто её не в доме, а на очной ставке допрашивают, и в стакан с водой смотреть страшно — так дрожит.

— Ты чего на него прёшь, как танк без тормозов? — горлопанит брат.

— Я тебе сейчас покажу износилование! — ору так, что люстра в гостиной подрагивает. — Дай мне её сюда Димыч, я ей сейчас всё объясню!

Она прячется за Димыча, будто он бронежилет, и снова ревёт — да так натурально, что даже соседский кот бы поверил.

— Митя, он же маньяк! — всхлипывает, тыча в меня дрожащим пальцем. — Я ему сказала: «Не надо мне твоих нежностей» А он… он… — делает драматическую паузу, шмыгает носом, — …он на меня с кулаками! У меня теперь синяк будет, как от кастета! Вот, смотри, Митенька! — она тычет Димычу в предплечье, будто это доказательство века.

— Да какой, к чёрту, кастет?! — рявкаю, уже не сдерживаясь.

— Стасян, ты совсем с катушек слетел? — Димыч смотри на меня с ошарашеными глазами. — Тебе левых баб из ночных клубов мало, ты решил эту отшпилить?

— Да, кого ты слушаешь!? Она сама ко мне первая целоваться полезла! По яйцам пизданула, до сих пор искры перед глазами сыпятся, будто фейерверк запустили прямо в черепной коробке, — хватаюсь за пах, который всё ещё ноет от её удара. — Димыч, отойди, я с ней сейчас разберусь как следует, она не только скажет где яйца заныкала, но и все свои тёмные делишки выложит, вплоть до того, как в детстве конфеты из вазы тырила!

Делаю шаг вперёд, пытаюсь её из-за Димыча выцепить, пальцы уже сами в крюки сгибаются, хочется схватить её и тряхнуть, чтобы вся дурь вылетела. Она снова ревёт — и так натурально, что даже я на секунду сомневаюсь: а вдруг и правда я тут злодей?

— Спасите! Он мне сейчас язык вырвет, чтобы я правду не рассказала!

— Ну всё, — ору на весь дом от злости как бешеный пёс, снова делаю выпад и пытаюсь её схватить. — теперь точно тебе язык вырву, чтобы не втирала тут, того чего не было!

— Вот видишь, Митенька!? — снова заливается слезами она, но в уголках глаз мелькает хитрый огонёк. — Твой брат расчленитель!

— Да хватит, оба! — гаркает Димыч так, что стены вздрагивают, и сам выглядит так, будто сейчас либо кого-то ударит, либо сядет и заплачет от безысходности. — Ты, — тычет пальцем в рыжую, — марш в гостевую комнату, и чтобы до утра ни звука от тебя не было! — он бесцеремонно хватает её за запястье — не грубо, но так, что спорить бесполезно, и подталкивает к лестнице, будто груз с плеч скидывает. — А ты, — поворачивается ко мне. — остынь, пока я сам тебе подзатыльник не отвесил!

Рыжая на секунду замирает, потом вдруг хитро щурится, наклоняется к Димычу и шепчет так, чтобы я точно услышал:

— А если этот маньячелло, ко мне в комнату ворвётся? Твоя комната рядом, если что, имей ввиду, я буду звать тебя на помощь.

— Иди уже, — отрезает Димыч, и в его голосе столько стали, что она тут же выпрямляется и делает вид, что вообще была в этом мини спектакле ни при чём. — Шагом марш. И без импровизаций.

Она вздыхает, будто весь мир её обидел, и медленно тащится к лестнице, но на середине пути оборачивается, подмигивает мне и шепчет одними губами:

— Спокойной ночи, маньячелло. Если вдруг приснится кошмар — я рядом. Буду тихо сидеть в углу и хихикать.

И с этим она скрывается за поворотом, а из коридора доносится её тихий смешок — будто чёртик в коробке щёлкнул.

Я морщусь — в паху до сих пор ноет так, будто меня не коленом стукнули, а кувалдой приложили. Хватаю бутылку коньяка, наливаю полстакана, не глядя, и опрокидываю в себя. Жжёт, как надо, — хоть какая-то боль перебивает ту, что ниже пояса. Плюхаюсь на диван, откидываюсь на спинку и закрываю глаза, чтобы отдышаться от этого мини рыжего апокалипсиса.

Димыч смотрит на меня и вдруг начинает ржать — не зло, а так, по-братски, когда понимаешь, что ситуация настолько дикая, что остаётся только смеяться.

— Ну что, братан, — сквозь смех выдавливает он, — я же тебя предупреждал: эта девчонка — не куклы из ночных клубов, с ними хоть понятно, кто чего хочет. С этой даже братки бы не связались — сразу бы сдались.

Я кошусь на него, пальцы сами в кулаки сжимаются, но сил злиться уже нет — только усталость накатывает.

— Да понял я, понял, — рычу, потирая пах и кривясь от очередного прострела боли. — Если после её удара у меня теперь по мужской части всё отсохнет — я её реально трахну, а потом закопаю и памятник сверху поставлю, чтобы все помнили: не лезь к рыжим, если нервы дороги.

Димыч вытирает слёзы от смеха, качает головой:

— Ладно, ладно, остынь. Сейчас посидишь, выдохнешь. А завтра продолжим разбор полётов, может за ночь она одумается и вернёт яйца. Только больше без самодеятельности, договорились?

Я только фыркаю в ответ, делаю ещё один большой глоток и бурчу себе под нос:

— Договорились. Но если она завтра опять начнёт свои фокусы показывать… — немного остыв, усмехаюсь и кидаю небрежно: — Но она ничё такая, аппетитная. Буфера что надо, задница сочная. Не то что эти гламурные вешалки, у которых рёбра через кожу просвечивают. Только с характером — будто её не в семье растили, а в спецназе дрессировали.

Димыч приподнимает бровь, чуть наклоняет голову, будто взвешивает мои слова, и выдаёт:

— Тоже её заценил?

Я кошусь на него, прищуриваюсь. Опять эта его манера — ни слова лишнего, а ты уже чувствуешь, что тут подвох.

— Опять двадцать пять, — фыркаю я, постукивая стаканом по подлокотнику дивана. — только не говори, что ты тоже на неё клюнул.

Димыч ничего не отвечает. Просто смотрит, чуть улыбается уголком рта — и эта его тишина говорит больше любых слов.

А я снова делаю глоток, откидываюсь на спинку дивана и думаю:

«Что-то мне подсказывает, братец, что нам с тобой не только яйца делить придётся, но и этого рыжика. И вот это уже реально проблема. Будто впереди ещё не один такой цирк будет».

Глава 7

Ульяна.

После небольшой стычки со Стасиком у меня внутри будто батарейку на максимум выкрутили — адреналин так и бурлит, аж пальцы покалывает. Я влетаю в гостевую комнату и с разбегу плюхаюсь на кровать — буквально мордой в подушку.

— Фух… Ну и драма вышла, а? — переворачиваюсь на спину и выдыхаю, будто только что марафон пробежала. Потом машинально начинаю накручивать прядь волос на палец и вздыхаю: — Эх, надо было всё-таки в театральный идти. Там хоть за такие эмоции платят, а тут сама себе актриса. И режиссёр. И даже критик.

Левая рука сама собой тянется к губам, и я вдруг снова чувствую этот поцелуй — как Стасик так уверенно, будто по сценарию, впился в мои губы. Сердце тут же пускается в галоп, а на лице сама собой расплывается улыбка до ушей.

«А целуется-то он… ух, не слабо, — мысленно цокаю языком и тут же перед глазами всплывает лицо Димыча. А следом — картина: Димыч готов был Стасика прибить за „изнасилование“, которого даже не было. От этой мысли я тихо хихикаю, чуть не захлёбываясь от абсурдности ситуации: — Ну прямо мексиканский сериал какой-то вышел на минималке. То любовь, то драка, то трагедия века…»

Потом в голове мелькает, как Димыч смотрел на меня здесь, в этой комнате, — будто я не Ульяна, а какой-то редкий экспонат, который он боится пропустить.

«Глазища свои не отрывал от моей груди… Ну да, что один, что второй, прямо таки спелые персики, так бы и съела…»

Я резко зажмуриваюсь, будто пытаюсь вытрясти эти мысли из головы, и хлопаю себя по щекам — не сильно, но выразительно, как в тех смешных роликах, где люди пытаются проснуться.

— Эй, Ульяна, стоп! Чё за мысли дурные? — говорю себе строго, будто отчитываю непослушного щенка. — Никаких персиков! Никаких сладких фантазий! У нас план, помнишь? Свалить из этого дома, продать эти несчастные яички — и мчаться без оглядки в красивую жизнь. Туда, где пальмы, песок и океан, без всяких Стасиков и Митяев.

Трясу головой, словно сбрасываю с себя липкий слой эмоций, и сажусь на кровати, твёрдо глядя перед собой.

— Так. Вдох. Выдох. План. Яички. Свобода. Всё просто. Ну, почти.

Мне так хорошо. Я лежу на тёплом песке, солнышко ласково припекает мою попу, волны шумят где-то рядом, а ветерок нежно играет с волосами. Прям идиллия! Чувствую, как сильные темнокожие руки разминают мою спину, и я почти мурлычу от удовольствия.

— Проснись и пой! — вдруг раздаётся отвратительный голос прямо над ухом.

— Уйди, раб, — бормочу я, не открывая глаз и отмахиваясь. — Не видишь, я ещё не до конца загорела. Работай давай, массаж ещё не закончен.

Я снова проваливаюсь в сладкую дрёму. И тут этот же голос, но уже с металлическими нотками будто кто-то стучит ложкой по кастрюле:

— Подъём, рыжая! — рявкает он прямо над ухом, и в ту же секунду на меня обрушивается ледяной водопад. — Я сказал, вставай!

От такого контраста, подскакиваю как ужаленная, бешено трясу головой, разбрызгивая воду, и наконец открываю глаза. Стоит. Обозревает творение рук своих с абсолютно довольной рожей Митяй с пустым стаканом в руке.

— Ты совсем охреневший?! — ору я, яростно вытирая лицо. — Ты что, облил меня водой?!

— А ты думала, я тебя буду уговаривать? — Митяй ухмыляется так, что хочется запустить в него этим стаканом. — Ты дрыхла тут как сурок, я тебя уже три раза звал. Даже рабом меня назвала — я уж подумал, что ты всерьёз предлагаешь вакансию.

— Ах ты ж крыса тыловая! Так ты что, подслушивал мой сон? — я вскакиваю и смотрю на него злыми глазами. — Я вообще-то загорала! У меня там между прочим был сексапильный массажист! А теперь из-за тебя идиота кусок, я мокрая, злая и без массажа!

Митяй только опять ухмыльнулся в ответ:

— Не благодари. Спасаю твою бледную рыжую тушку от солнечного удара. Вставай давай, солнце вон уже в зените, бездельница! У тебя дел куча!

Я злобно шиплю, будто разъярённая кошка, и плюхаюсь обратно на кровать, натягивая одеяло по самую макушку.

— Дела у прокурора, а я ещё посплю! — бурчу из-под одеяла. — И вообще, весь кайф мне испортил своим присутствием.

Димыч тоже не отстаёт, злобно фыркает, не собираясь церемониться. Одним резким движением он срывает с меня одеяло и хватает за ноги, с треском и грохотом стаскивая с кровати.

— Раз ты не можешь вспомнить, где наши яйца, тогда будешь по дому работать! — гарчит он мне в лицо. — Говорят, труд из обезьяны человека сделал, может, и тебе поможет, глядишь — память вернётся, эволюция недоразвитая!

От такой наглости у меня буквально «переклинивает» все предохранители. Где это видано, чтобы Ульяна горбатилась по дому, как служанка?! Я начинаю бешено брыкаться, махать руками и орать во всю глотку:

— Я к тебе, между прочим, в золушки не нанималась! И никаких контрактов на генеральную уборку твоей убогой хибары не подписывала, рабовладелец недобитый!

В порыве ярости я со всей дури упираюсь пяткой ему в грудь и отталкиваю. Митяй теряет равновесие и машинально валится назад, прямо на кровать. Я тут же пытаюсь вскочить и дать драпу, но он молниеносно реагирует — перехватывает меня за лодыжку, резко тянет на себя и наваливается сверху всем весом, намертво прижимая меня руками к матрасу.

В комнате виснет минутая тишины. Мы тяжело дышим, глядя друг другу в глаза с такой концентрацией взаимной ненависти и искр, что воздух вокруг буквально искрит. Митяй опускает взгляд на мои губы, я — на его, и в этой паузе накал страстей достигает абсолютного пика.

Приподняв голову, я злобно ухмыляюсь прямо ему в лицо и выдыхаю:

— Ладно… Моя уборка будет стоить денег. Триста штук за квадратный метр. И это, заметь, в евро.

Митяй закатывает глаза, будто видит самое нелепое зрелище в своей жизни, и вздыхает так тяжело, словно на его плечи только что свалился весь мир.

— Совсем кукухой поехала?! — рявкает он. — Сбрось расценки, больная! Ты где вообще такие безумные цены увидела?!

Я с победной ухмылкой толкаю его в грудь, сбрасывая с себя, и сажусь, поправляя волосы так, будто только что выиграла чемпионат по выживанию в экстремальных условиях. Ну, а что вы хотите? Надо везде искать выгоду!

— В едином окне в МФЦ, милый! — парирую я. — Плати или любуйся срачем, который я устрою! У меня фантазия богатая, ты даже не представляешь на сколько.

— С тобой невозможно нормально разговаривать, — бурчит он злобно, но в уголках губ у него всё равно прячется едва заметная улыбка. — Ладно, хватит цирка. Вставай, ты там внизу вазу разбила, когда нас обчистила. Так что, хочешь не хочешь, придётся сделать генеральную уборку, БЕСПЛАТНО!

С этими словами Димыч скрывается за дверью — и даже не даёт мне вставить ни словечка, ни едкой фразочки, ни хотя бы язвительного «пока-пока».

— Пфф, — фыркаю я и плюхаюсь обратно на кровать. — бесплатно сейчас даже сыра в мышеловке нет, так что пусть кто-нибудь другой метёлкой машет за спасибо. Я не благотворительный фонд и не фея-уборщица по вызову.

Естественно, никакую уборку я делать не собираюсь. Да и какой там сон после такого шоу? Его как рукой сняло — будто Митяй не водой меня окатил, а ведром адреналина. Лежать бы сейчас, прикрыв глаза, и снова уплывать в тот тёплый пляж с массажистом… Но нет. Теперь в голове только злость, сарказм и желание кому-нибудь немножко подпортить настроение.

Повалявшись ещё минут пятнадцать — чисто чтобы показать, что меня не так просто согнать с места, — я всё-таки решаю: спуститься вниз и потрепать этим двоим нервишки. Пусть знают, что Ульяна не из тех, кто молча кивает и бежит драить полы. Мой способ борьбы с несправедливостью — сарказм в лоб и улыбка, от которой у этих двоих слегка будет дёргаться глаз. Ну а что? Хоть какая-то польза от моего пребывания в этом доме.

— Всем приветики-пистолетики! — громко заявляю я, вплывая в гостиную с видом королевы, которая снизошла до своих подданных.

Димыч ковыряясь в телефоне, на секунду поднимает взгляд и тут же недовольно кривит мордашку, косит глазами на разбитую вазу. Я делаю паузу ровно на секунду, будто пытаюсь вспомнить, что тут происходит, а потом распахиваю глаза так широко, что, кажется, даже ресницы хлопают.

— Ой-ёй-ёй… А кто это сделал? — тяну я невинным голоском. — Неужели гравитация опять вышла из-под контроля?

Димыч только фыркает, явно не впечатлённый моим расследованием. Стасик сидит на диване упёрся в книгу и вообще ноль внимания в мою сторону, чем ещё больше начал меня подбешивать.

— Ну, раз уж никто не признаётся… Может, это домовой бунтует? Надо ему печеньку оставить, чтобы успокоился.

В гостиной повисает тишина — Димыч явно борется с желанием что-то рявкнуть, а я стою и мило улыбаюсь, будто вообще ни при чём.

Плюхаюсь в кресло напротив Стасика, вытягиваю ноги, устраиваюсь поудобнее — и усмехаюсь:

— Знакомые буковки нашёл? А с виду не такой уж и вумный кажешься, — подмигиваю Стасику, нарочно растягивая слова, чтобы он точно не смог притвориться, что меня не слышит. — А я-то думала, ты буквы только на ценниках в магазине читаешь. Ну, признавайся — освоил аж целое слово?

Он по-прежнему делает вид, что целиком поглощён своей бумажкой: ни взгляда, ни намёка на улыбку. Но краем глаза я замечаю, как Митяй рядом буквально каменеет и пыхтит от «радости».

— Стаааась, ау-у-у, — тяну я, сладким голосом, наклоняясь вперёд и хлопая ресницами с таким усердием, будто от этого зависит судьба мира. — Ты что, обиделся на меня из-за вчерашнего? Чего ты читаешь? Там в книжке про любовь, и ты уже в трансе?

— Это инструкция, как убивать рыжих тараканов, — цедит он, не поднимая глаз, но голос у него уже не такой равнодушный — скорее раздражённый, будто эти тараканы лично ему наступили на любимую мозоль.

— Пфф, ты слыхал, Димыч? — я резко поворачиваюсь к Мите, чуть склоняю голову к плечу и улыбаюсь ему самой обезоруживающей улыбкой, какую только могу изобразить. — У тебя в халупе завелись тараканы! Какой кошмар… Или это он про тебя так поэтично? Ты ведь тоже рыжий, если присмотреться. Ну, в душе точно рыжий!

Митя фыркает, но в глазах мелькает что-то острое — будто я его за живое задела. И это не про тараканов и не про рыжину. Он косится на брата, голос у него низкий, чуть рычащий:

— Замолчи, а? Не лезь.

Стасик вдруг вскидывает голову, смотрит на Митю так, будто тот ему стул из-под ног выбил:

— Да хватит уже буравить меня взглядом, Димыч. Что не так? Дырку прожжёшь — потом сквозняки замучают.

— Ты меня своими сквозняками не пугай, — цедит в ответ Митя. — пугалка ещё не выросла.

Я сижу, переводя взгляд с одного на другого, и чувствую, как внутри всё подпрыгивает от удовольствия. Вот она, настоящая магия: двое хмурых парней и я — как спичка в коробке.

— Чего это с вами? — щёлкаю пальцами, подаюсь чуть вперёд, будто делюсь тайной. — Может, ***конфету*** не поделили? Или тут что-то поинтереснее намечается? Так сладкое есть вредно, может диатез развиться в острой хронической форме.

Стасик с такой рожей книгу захлопывает, будто она ему лично что-то сделала, и буравит взглядом Димыча, будто насквозь хочет прожечь.

— Может, выйдем, побазарим тет-а-тет, без лишних ушей? — Стасик бровь приподнимает, вид такой, будто уже расклад просчитал и ему всё ясно.

Димыч фыркает, слова выдавливает, как лимон выжимает:

— Ты мне сейчас предпраздничное настроение рушить собрался? Давай разборки после днюхи, а? Не порть мне картинку.

Тут дверь — бах! — нараспашку, и в дом вваливаются те двое, типа охранника, ну прямо как из кино про братву: лица серьёзные, в руках по ящику спиртного.

— Димыч, мы алкоголь привезли, куда ставить? — один из них кивает, будто докладывает по уставу.

— В гараж тащите, там морозилку задействуйте, — Димыч машет рукой, не глядя, будто это рутина, которую он сто раз видел.

Я провожаю мужиков взглядом, потом поворачиваюсь к хозяевам и делаю вид, что только сейчас до меня дошло:

— А какой у нас тут праздник, если не секрет? Или я вслепую в эту вечеринку влетела?

— У Димыча завтра днюха, — бурчит Стасик, снова в книгу упирается.

— Ё-моё, да у меня ни наряда приличного, ни подарка! — я округляю глаза и поворачиваюсь к Мите, строю самую невинную мордашку. — Митенька, родненький, сделай доброе дело, отвези меня домой, а? Ну хоть на пять минут!

Митя даже головы не поднимает, только цедит, не отрываясь от телефона:

— Нет.

— Да ты что, серьёзно? — я чуть не подпрыгиваю. — Я не могу на именины без подарка прийти! Это же неприлично! Да и ты меня из тёткиного кафе вытащил в том, в чём я была — мне хоть сменные вещи забрать надо!

Стасик вдруг рычит, будто пружина лопнула:

— Подари ему наши «трофеи». Он от счастья на стену полезет, а ты наконец свалишь отсюда и не будешь тут воздух сотрясать.

Димыч от слов брата аж багровеет, вены на шее вздуваются.

— Ты сейчас нарываешься, Стась?

Я чувствую, как в гостиной воздух тяжелеет, будто гроза надвигается. Пахнет не праздником, а разборками.

— Стась, ну ты то хоть будь человеком, отвези меня за вещами, а потом вместе обратно приедем. Правда ещё хотя бы в ТЦ заскочить, подарок купить. С радостью бы эти «трофеи» презентовала, да вот беда — память ещё не вернулась.

Стасик смотрит на меня в упор, губы поджимает так, что уголки вниз уходят, будто ему от одного моего вида кисло.

— Если я с тобой сейчас куда-то поеду, гарантий не даю, что ты сюда вообще вернёшься, — он хлопает книгой, звук выходит резким, как щелчок затвора. — У меня до сих пор от твоего вчерашнего «дружелюбия» всё ноет, так что ты мне должна по полной программе.

Димыч резко встаёт, хватает меня за локоть, но не грубо, а даже нежно.

— Ладно, я тебя отвезу. Мне всё равно надо в ресторан заехать, еду на завтра заказать. Так что считай, что тебе повезло.

— Стась, не скучай тут без нас! — кричу на ходу, пока Димыч тащит меня к выходу.

Мы выходим на улицу, дверь за нами хлопает, а я прям чувствую, что праздник обещает быть весёлым, как я люблю.

Глава 8

Димыч.

Моя тачка выруливает из «Поля чудес», а я краем глаза кошусь на Ульяну — эта рыжая бестия развалилась на пассажирском, будто королева на троне, ножки закинула на бардачок и сидит, вид такой, будто весь мир ей что-то задолжал.

— Ну и зачем ты этот цирк с утра устроила? — бурчу, хмурю бровь, но глаз с дороги не свожу. — Зачем масло в огонь подливала?

Ульяна медленно поворачивается, и в глазах у неё чёрт знает что пляшет — то ли веселье, то ли чистая провокация. Уголок губ ползёт вверх, и она выдаёт с таким сладким сарказмом, что аж зубы сводит:

— Какое ещё масло, Митюша? Это вы со Стасиком друг на друга рычите, как два пса из-за одной косточки. А теперь хотите на меня всё свалить? Ну уж нет, не вписывайте Ульяну в свои разборки!

И демонстративно отворачивается, делает вид, что обиделась. Только вот я-то вижу: ей вся эта драма как конфетка. В глазах искры, щёки чуть порозовели — ей это явно нравится, и она даже не старается это скрыть.

А я сижу, руль сжимаю так, что костяшки белеют, и думаю: да, она права. Стас на меня взъелся, потому что Ульяна ему тоже небезразлична. Но проблема в том, что мне она нравится куда сильнее, чем я готов признать даже самому себе.

Смотрю на её профиль — рыжие волосы вспыхивают в лучах солнца, прядь падает на лицо, и мне до безумия хочется протянуть руку и убрать её, провести пальцем по щеке, почувствовать, какая она тёплая… А потом вообще свернуть с этой чёртовой дороги куда-нибудь в тихий лесок, где никого нет, только мы вдвоём.

В голове картинки мелькают одна горячее другой, и от этого внутри всё сжимается.

Да, похоже, придётся устраивать эту дурацкую «стенку на стенку» со Стасом, из-за неё. И чем больше она язвит и строит из себя неприступную королеву, тем сильнее я её хочу.

Едем молча. Дорога пустая, солнце жарит через лобовуху, а в салоне так душно от напряжения, что хоть топор вешай. Ульяна сидит, в окно пялится, губы кривит в своей этой фирменной ухмылке. Я смотрю на её коленки и чувствую, как крыша едет. Хочется и прибить её, и зацеловать до смерти одновременно.

Вдруг впереди, прямо у обочины, мелькает полосатая палка. Гаишник, мать его. Стоит, скучает, высматривает жертву. И, конечно, выбирает нас.

— Ой, Митюша, смотри! — Ульяна оживляется, подается вперед. — Дядечка тебе палкой машет. На что-то намекает, видимо. Соскучился по мужскому вниманию, бедняга. Остановись, не расстраивай потенциального кавалера.

— Помолчи, а? — рычу я, сбрасывая скорость. — И так тошно.

Сердце колотится, как бешеное, и не из-за гаишника даже, а из-за того, что рядом эта рыжая бестия, от которой судя по всему вечно одни проблемы.

Опускаю стекло, в салон врывается запах пыли и бензина.

— Старший лейтенант Петров, — козыряет гаишник, прищуриваясь. — Ваши документы, пожалуйста.

Я уже тянусь к бардачку, как вдруг рядом раздается всхлип. Громкий такой, надрывный, Ульяна решает меня добить.

Смотрю на неё и просто выпадаю в осадок. У рыжей плечи трясутся, а руки она как-то извернулась и спрятала за спину, будто они связаны.

— Спасите! — выдает она тонким, дрожащим голосом. — Дяденька, пожалуйста, помогите! Он меня похитил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.